

УДК 355/359:[613.6.02-057.36.331.45](045)

doi: 10.53816/23061456_2025_9–10_141

**СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
В АСПЕКТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ УПРАВЛЯТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ РИСКАМИ**

**THE SYSTEM OF ENSURING THE SECURITY OF MILITARY SERVICE
IN TERMS OF POTENTIAL READINESS TO MANAGE PROFESSIONAL RISKS**

Д-р мед. наук С.А. Цуциев

D.Sc. S.A. Tsutsiev

ГНИИИ ВМ Минобороны России

В настоящей статье приводятся данные анализа системы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных силах РФ в аспекте потенциальной готовности управлять профессиональными рисками, заблаговременно предупреждая появления нежелательного результата (например, увечье, гибель военнослужащего и др.). Установлено: по состоянию на сегодняшний день в армии и на флоте нашей страны пока еще не созданы в полной мере надлежащие условия для перехода на качественно новый уровень обеспечения безопасности военной службы для военнослужащих, а именно — управлению профессиональными рисками. Органы военного управления воинской части (организации) пребывают в весьма затруднительном положении: несмотря на поставленные конкретные цели и задачи, они пока еще не располагают необходимыми и достаточными ресурсами для их достижения, в частности, это касается проведения инструментально-лабораторных исследований условий военной службы, без которых никак не обойтись, так как они позволяют дать точные и надежные ответы в процессе идентификации вредных и (или) опасных факторов. **Ключевые слова:** опасности, профессиональные риски, риски повреждения здоровья, гигиена, безопасность военной службы, система управления, военнослужащий.

This article provides data on the analysis of the security system of military service in the Armed Forces of the Russian Federation in terms of potential readiness to manage professional risks, preventing the appearance of undesirable results in advance (for example, injury, death of a serviceman, etc.). It has been established: as of today, the army and navy of our country have not yet been fully established appropriate conditions for the transition to a qualitatively new level of ensuring the safety of military service for military personnel, namely, occupational risk management. The military administration bodies of a military unit (organization) are in a very difficult position: despite the specific goals and objectives set, they still do not have the necessary and sufficient resources to achieve them, in particular, this concerns conducting instrumental and laboratory studies of military service conditions, which cannot be dispensed with, since they allow them to provide accurate and reliable answers in the process of identifying harmful and/or dangerous factors.

Keyword: hazards, occupational risks, risks of damage to health, hygiene, safety of military service, management system, military personnel.

Введение

Одним из основных направлений государственной политики в области гигиены, безопасности и охраны труда является формирование основ для управления профессиональными рисками на предприятиях нашей страны [1, ст. 210]. Судя по такой расплывчатой формулировке, рассматриваемый вопрос непростой, пожалуй, даже сложный, незаметно переросший в категорию «актуальная проблема», что совсем неслучайно: о рисках повреждения здоровья, управления ими заговорили примерно в середине «нулевых» XXI в. Вскоре многие видные представители законодательной и исполнительной власти стали напрямую связывать будущее безопасности и охраны труда с успешным освоением этой процедуры в организациях и на предприятиях России. С этой целью работодателя законодательно обязали проводить систематическое выявление опасностей и соответствующих им рисков повреждения здоровья, их регулярный анализ и последующую оценку [1, ст. 214]. Значение процедуры «управление профессиональными рисками» переоценить трудно, так как конечной ее целью является, обращаем внимание, не производственные опасности, а именно жизнь и здоровье работника — это именно то, на что должны быть направлены управленческие усилия всех сторон социального партнерства, что определяет смысл всей деятельности по гигиене и безопасности труда, а самое главное — формирует отличную (от предыдущей) культуру безопасного труда [2–6].

Военная служба, как известно, принципиально отличается от всех остальных видов человеческой деятельности. Это состояние «неустойчивого равновесия»: постоянный баланс между непрерывным ожиданием многочисленных и разнообразных опасностей, сопряженных с высокой вероятностью риска получения смертельного ранения и необходимостью беспрекословного выполнения боевой задачи в любых условиях и в установленные сроки. Это баланс, с одной стороны, между неукоснительным выполнением уставных требований и, с другой — воинской доблестью, отвагой, героизмом, основанных, как правило, на смертельном риске повреждения здоровья [7].

Логично, что в этих условиях ранжирование профессиональных рисков приобретает особый

смысл, так как «цена» многих из них может быть очень велика. Поэтому вопросы заблаговременного выявления и оценки профессиональных рисков применительно к условиям конкретной воинской части (организации), виду деятельности (выполняемых работ) и пр., чрезвычайно актуальны. Все эти, казалось бы, непростые проблемы призвана разрешать система управления безопасностью военной службы (далее — БВС), созданная в Вооруженных силах (далее — ВС) РФ в середине 90-х годов прошлого столетия.

Необходимо отметить, что рассматриваемая проблема — управления профессиональными рисками — не только сложная, но и чрезвычайно деликатная. Некоторые исследователи убеждены, что все это — БВС, опасности, профессиональные риски, управление ими — одно большое недоразумение: для гражданских лиц это как-то еще приемлемо, а вот для ВС РФ — это есть заблуждение. Армия и Флот предназначены для войны, а во время ведения боевых действий самое главное — победить, и цена победы — не имеет значения. Однако эти исследователи забывают, что «цена победы» — это «цена риска повреждения здоровья» (допустимые, недопустимые и пр.) — а это, в свою очередь, конкретные люди, которых ничем не заменить: эти ученые так и не смогли преодолеть догматов старой культуры безопасного труда, когда человеческая жизнь не имеет цены, а сам человек превращается в средство достижения цели. Позволим себе напомнить, что с такой философией наш народ долгое время трудился и на гражданских объектах народного хозяйства, и на объектах Министерства обороны нашей страны, и в мирное, и в военное время. Так строили «Днепрогэс», «Беломорканал» и пр., так возникли военно-строительные части и пр., основанные на жестко регламентированном труде.

При таком «научном» подходе становятся ненужными многие важные концепты, например, всё гигиеническое нормирование факторов трудового процесса (требования по эргономике, обитаемости и пр.), профилактика нежелательных событий на этапах жизненного цикла образца вооружения и военной техники и пр.

Неловкость создавшейся ситуации состоит в том, что эти ученые, отрицая необходимость управления профессиональными рисками, невольно вступили в конфликт с официальной го-

сударственной политикой в сфере безопасности и охраны труда: не автор статьи придумал Концепцию безопасности к многочисленным сферам человеческой жизнедеятельности, концепцию БВС, концепцию управления профессиональными рисками и др. Все это давно законодательно оформлено в виде соответствующих указов, постановлений и пр. (к сожалению, формат статьи не позволяет более подробно рассмотреть этот аспект). Есть хорошее правило: обсуждать проблему до тех пор, пока не принято соответствующее решение, но когда оно состоялось — нужно не говорить, а выполнять принятое решение, либо способствовать его претворению (чем мы и занимаемся). Противники БВС, публично высказывая свою позицию по нашей проблеме, показывают свою научную несостоятельность и политическую близорукость. Будем откровенны: отрицая стратегию нашего государства в сфере безопасности труда названные исследователи выражают недоверие руководству страны, пытаясь посеять сомнения в правильности выбранного курса. Да, не всё и не сразу правильно получается. Нужно искать, пробовать и находить единственное верное решение. А отрицать все новое и призывать к старому (несостоятельному) — путь, ведущий в тупик.

Цель исследования: поиск свидетельств потенциальной готовности системы обеспечения БВС к внедрению и поддержанию в рабочем состоянии процедуры «Управление профессиональными рисками» (далее — УПР) для военнослужащих ВС РФ. Задача состояла не в том, чтобы обнаружить все свидетельства готовности системы обеспечения БВС к управлению профессиональными рисками: важно установить принципиальную ее готовность к кардинальным переменам.

Материал и методы исследования. Изучены и проанализированы руководящие документы федерального и ведомственного уровня, устанавливающие требования гигиены и безопасности труда, БВС. Были использованы материалы собственных исследований в формате медицинского контроля (далее — МК) и государственного санитарно-эпидемиологического надзора (далее — ГСЭН) за условиями военной службы личного состава войск Ленинградского военного округа в период с 1995 г. по 2018 г. Использованы методы научного анализа и сопоставления.

Результат. Действующая система обеспечения БВС в ВС РФ пока не в полной мере готова к внедрению и поддержанию в рабочем состоянии процедуры УПР для военнослужащих, так как для этого отсутствуют в полной мере достаточные условия: не выработан единый понятийный аппарат, действующая Концепция БВС по ряду позиций не только спорная, но и противоречивая. Фактически органы военного управления располагают ограниченными ресурсами для выявления (актуализации) опасностей военной службы и соответствующих им рисков повреждения здоровья.

Обсуждение

Основной целью деятельности органов военного управления воинской части (организации) по созданию безопасных условий военной службы для военнослужащих, согласно действующим нормативным, правовым и иным актам Минобороны России [7], является обеспечение их защищенности от воздействия опасных факторов военной службы. Как оказалось, эта обязанность командиров (начальников) разного уровня, с одной стороны, фактически невыполнимая, а с другой — мало информативная.

Касаемо первого тезиса. Дело в том, что понятие «опасный фактор» есть производная величина от гигиенического нормирования, которая представляет собой фактическое значение фактора относительно его гигиенической нормы. Согласно гигиенической классификации условий труда, влияние опасного фактора на организм человека обуславливает его гибель, либо увечье (травмирование, отравление и др.) обязательно с потерями [7]. Однако, фактическую величину конкретного потенциально опасного фактора военной службы может определить только специально подготовленный специалист инструментальным способом (на поверенном оборудовании) по стандартной методике, то есть аккредитованной лабораторией. Визуальными способами этого не сделать, можно только предположить потенциальную принадлежность к опасным факторам, а утверждать можно либо на основании инструментального (лабораторного) исследования, либо — состоявшегося случая увечья или гибели военнослужащего. Учитывая тот бесспорный факт, что органы военного

управления воинской части (организации) не обладают соответствующими ресурсами (нет ни лабораторий, аккредитованных на проведение гигиенической оценки условий военной службы, ни стандартных методик, ни специалистов по измерениям, ни экспертов по оценке и пр.), а имеющиеся в настоящее время у медицинской службы лаборатории предназначены для осуществления МК и ГСЭН, цели и задачи которых иные. Необходима гигиеническая экспертиза условий военной службы. В итоге командиры (начальники) при контроле соблюдения требований БВС используют исключительно документарные и визуальные методы диагностики или ожидают наступления законченного случая увечья военнослужащего с трудовыми потерями, либо его гибели.

Для современных армии и флота такой стратегии безопасности, как оказалось, недостаточно: стратегическое планирование и, соответственно, управление БВС невозможно. Фактически остается только своевременно устранять негативные последствия неадекватно протекающего процесса (так называемый, «реактивный» метод управления) и делать запоздалые выводы. Необходимы более прогрессивные методы гигиенической диагностики (в том числе, донологической), позволяющие устанавливать точные и надежные критерии безопасности и по их отклонениям активно управлять процессом, заблаговременно предупреждая развитие нежелательного события, гарантируя получение запланированного результата (так называемый, «проактивный» метод управления).

По второму тезису следует отметить: давно уже установлено, что вредные и (или) опасные факторы военной службы, даже при очень высокой степени их детализации, не в состоянии охватить все имеющиеся, например, на рабочем месте опасности и соответствующие им профессиональные риски. Дело в том, что любые события, предметы, виды человеческой деятельности, применительно к конкретному процессу, можно рассматривать как потенциальный источник опасности, который, при определенных условиях, может закончиться травмой, отравлением, болезнью и пр. При таком взгляде на происходящие события, определенная часть опасностей остается вне «поля зрения» как самих исполнителей должностных обязанностей, так и их командиров (начальников), иных контролирующих

лиц. Действующие ныне в Минобороны России руководящие документы по БВС обязуют командование воинской части иметь перечень опасных объектов, расположенных на территории части; перечень воинских должностей, где выявлены опасные факторы военной службы; список военнослужащих, исполняющих должностные обязанности в условиях воздействия опасных факторов. С учетом сказанного выше: эти перечни (списки) учитывают только часть нужной информации, а именно, опасности, основанные на «факторном» подходе; опасности, основанные на «риск-ориентированном» подходе — нет.

Вот, пожалуй, самый простой, но весьма показательный пример: воинская должность «штабного военнослужащего» (офисное рабочее место). С позиций гигиенической оценки условий труда на этом рабочем месте созданы безопасные условия военной службы (которые, как правило, декларируются). Тем не менее фактически существует опасность падения военнослужащего с высоты собственного роста. Причины падения могут быть самыми разнообразными, но, как правило, это запутывание ног в многочисленных электрических кабелях, беспорядочно размещенных вблизи от рабочего места, либо — это поскользывание на мокрых полах (после влажной уборки). Последствия падения, а это есть риски повреждения здоровья, могут быть самыми разнообразными: начиная от легкого ушиба мягких тканей верхних (нижних) конечностей и заканчивая переломами костей. Различия будут в вероятности реализации этих событий и тяжести их проявления. Перечисленные опасности и соответствующие риски повреждения здоровья можно обнаружить на многих, зачастую даже на неожиданных рабочих местах. Полагаем, что ничего удивительного в этом нет: штабные воинские должности (офисные рабочие места) оснащены многочисленной и разнообразной компьютерной, офисной, бытовой и пр. техникой, а влажная уборка полов проводится везде. Проблема заключается в другом — в общей культуре гигиены и безопасности труда, в культуре организации и проведения работ [2–6]. Всего этого можно легко избежать, если многочисленные электрические провода изолировать в кабель-каналах, а не оставлять разбросанными по всей площади рабочего места (основной аргумент: так быстрее и дешевле). То же самое

касается и проблемы скользких полов, особенно после влажной уборки: эти вопросы необходимо решать на стадии проектирования здания (сооружения), предусматривая соответствующие отделочные материалы (с низкими фрикционными свойствами, особенно при применении моющих средств и пр.). А эта «пустышная» потенциальная опасность, во всей ее полноте, уже заложена законодателем в нормативном документе как фактическая проблема. Даже предлагаются способы ее решения: всему персоналу необходимо быть «внимательным при перемещении по отделению, а сами эти места обозначать специально изготовленными предупреждающими указателями» [8]. Но разве от этих мер полы станут менее скользкими?

Помимо нерешенных проблем, приведенных выше, как оказалось, сложностей при разработке и внедрении процедуры «Управление профессиональными рисками» набирается немало, например, до сих пор отсутствует единое толкование основных понятий: термин один, а определения — в разных источниках разнятся. Это и неудобно, и затруднительно, так как создает предпосылки для свободного понимания и применения терминов: специалисты, обсуждая проблему, не смогут договориться, так как будут понимать ее по-разному. Судите сами, например, термин «опасность». Одни документы утверждают, что это фактор среды и трудового процесса, который может быть причиной травмы, острого заболевания или резкого ухудшения здоровья [9–10], другие убеждены — это, как ранее уже говорилось, объект, ситуация или действие, которые способны нанести вред человеку в виде травмы или ухудшения состояния здоровья, или их сочетания [11]. Аналогичные неточности, несостыковки можно найти и в определениях других терминов, в частности, «риск», «оценка риска», «оценка опасности», «определение опасности» и др. Но, пожалуй, самое интересное — это узаконенное новое понятие — «профессиональный риск», под которым понимают вероятность причинения вреда жизни и (или) здоровью работника в результате воздействия на него вредного и (или) опасного производственного фактора во время исполнения им своей трудовой функции с учетом тяжести повреждения здоровья [1, ст. 209]. Другие нормативные документы [9–10] примерно так же определяют уже давно

устоявшееся понятие «риск». Из этой дефиниции следует, что рассматриваемое понятие распространяется лишь на неблагоприятные факторы трудового процесса, то есть имеет место усеченный вариант области изучения и оценки, что, как мы уже ранее говорили, является принципиальной ошибкой.

Согласно Трудовому Кодексу РФ [1], управление профессиональными рисками — комплекс взаимосвязанных мероприятий и процедур, являющихся элементами системы управления охраной труда (далее — СУОТ), включающих в себя выявление опасностей, оценку профессиональных рисков и применение мер по снижению (или недопущению повышения) их уровней, мониторинг и актуализацию.

Из этого определения следует, что УПР осуществляется исключительно в формате СУОТ предприятия, которая имеет конкретную структуру (установлены требования по количеству и составу ее элементов, записей данных, документов и пр.) и требования к функционированию. Без документально оформленной и внедренной СУОТ, никакой речи об управлении профессиональными рисками на предприятии быть не может [12–13]. По мнению ряда исследователей, это обоюдный процесс: чтобы обеспечить результативное функционирование СУОТ, работодателю необходимо постоянно осуществлять мероприятия по УПР на рабочих местах. Это позволяет перейти от стратегии «реагирования» на несчастные случаи и пр. на производстве к стратегии «упреждения» их возникновения.

В ВС РФ на любом уровне организационной структуры ничего подобного пока нет. Система управления БВС и СУОТ — это абсолютно разные культуры гигиены и безопасности труда, иной взгляд на окружающий мир и способы достижения целей. Первая модель системы управления (БВС) характерна для начального этапа формирования как культуры безопасного труда, так и культуры управления такими процессами, а вторая (СУОТ) — это уже высший пилотаж управленческой деятельности.

На результатах выявленных опасностей и оценке уровней профессиональных рисков основан, в частности, новый порядок обеспечения работников средствами индивидуальной защиты (далее — СИЗ). Преимущества — переход от «списочного» порядка выдачи СИЗ к «инди-

видуально ориентированному», позволяющему обеспечить необходимую защиту работника, основываясь на фактических условиях труда на его рабочем месте. Поэтому новый порядок некоторые исследователи [14] называют «риск-ориентированным», подразумевающим организацию результативной защиты работников от вредных и (или) опасных факторов трудового процесса. В ВС РФ, к сожалению, до сих пор актуальны многочисленные перечни (списки), дающие отдельным категориям военнослужащих, проходящим военную службу в «особых» условиях, право на различные социальные льготы и компенсации (например, несение боевого дежурства в составе дежурных сил, участие в походах кораблей, прохождение военной службы в районах Крайнего Севера и пр.). По мнению некоторых ученых, эти списки не имеют должного научного обоснования, так как основываются они не на фактических значениях вредных и (или) опасных факторов военной службы на каждом рабочем месте. За основу берутся обобщающие показатели (вид деятельности, место выполнения работ и пр.), что не отражает фактического положения дел [15]. Но для этого необходимы соответствующие инструментальные (лабораторные) исследования, проведение которых в Минобороны России пока не предусмотрено [7]. Наличие гигиенической оценки условий военной службы, оценка профессиональных рисков позволили бы решать многие вопросы управления БВС оперативно, адресно на уровне воинской части.

Следующая трудность касается выбора методов оценки уровней профессиональных рисков. В целом, законом установлено, что этот порядок утверждается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда. Минобороны России пока таким документом не располагает, что весьма логично. Тем не менее касаясь самой методики управления профессиональными рисками, то, на наш взгляд, есть спорные позиции. Мы полагаем, что командно-административная стратегия (Центр — решает: что и как всем делать; на местах — точное исполнение поставленных задач, доклад об исполнении) здесь неуместна: иначе теряется смысл всех рассматриваемых меропри-

ятий. В каждой воинской части методика должна определяться индивидуально, в зависимости от степени развития культуры управления БВС, а также особенностями военной службы, например, несение боевого дежурства в составе дежурных смен, участие в походах боевых кораблей и пр.

На начальном этапе освоения методики управления целесообразно начинать с изучения процедуры «Предотвращение опасностей», а понятия «опасность» и «риск» не разделять на самостоятельные направления деятельности [9]. Это существенно облегчает выполнение поставленной задачи, но трансформации смысла процедуры не происходит.

Область изучения и оценки также может быть разная: первоначально целесообразно начать с идентификации опасностей при выполнении основных видов деятельности на штатных рабочих местах при исполнении должностных обязанностей в штатном режиме военной службы. Этот перечень рабочих мест, работ и пр. постепенно расширяется: анализируются, в частности, случаи отклонений в работе, в том числе связанных с возможными авариями» [16, ст. 36]. Такой постепенный подход, на наш взгляд, будет свидетельствовать о неформальном взгляде на существующую проблему, о твердом намерении результативно ее решить. Это уже в значительной степени будет способствовать повышению защищенности военнослужащих от опасностей и профессиональных рисков военной службы.

Безусловно, в процессе идентификации опасностей военной службы нельзя забывать о МК и ГСЭН за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, которые организуются и проводятся медицинской службой с целью, с одной стороны, выявления и пресечения случаев нарушения санитарного законодательства, а, с другой — содействия в создании безопасных условий военной службы для военнослужащих Минобороны России путем должного выполнения санитарных правил, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Для достижения целей и задач БВС важен тот факт, что МК и ГСЭН, помимо лабораторно-инструментального контроля, предполагает еще и проведение визуального

контроля, при реализации которого особое внимание уделяется, в частности:

- скрупулезному выявлению, анализу и устранению любых небезопасных действий (поведения) военнослужащих любого ранга;
- тщательному выявлению мелких травм, повреждений и пр.;
- детальному анализу сомнительных и прочих опасных ситуаций, которые по каким-то причинам не «реализовались» в виде нежелательного события.

Вместе с тем, несмотря на наличие такой ценной информации у медицинской службы, востребованность ее со стороны органов военного управления невысокая, что в принципе закономерно: руководящие документы по БВС и медицинской службы не предполагают обязательного информационного обмена этими данными. Более того, следует напомнить, что официальными показателями нарушения требований БВС являются законченные случаи увечий военнослужащих (но обязательно с трудовыми потерями) и их гибели. Все иные случаи повреждения здоровья военнослужащих, не укладывающиеся в формат перечисленных выше критериев, для целей безопасности никакого значения не имеют.

В результате, в деятельности различных служб, структурных подразделений и пр. воинской части превалирует «функциональный» подход в организации и управлении организационными процессами в воинской части, разъединяющий военнослужащих разными должностными обязанностями, несмотря на общность решаемых задач. Хотя в последнее время предпочтение отдается так называемому «процессному» подходу к управлению безопасностью, объединяющему военнослужащих разных структурных подразделений, служб и пр. в их деятельности общностью целей и задач. В качестве наглядного примера служит процесс планирования повседневной деятельности медицинской службы, целью которой является качественное и своевременное выполнение задач, стоящих перед медицинской службой в планируемый период [17, ст. 25, 27, 31]. План согласовывается установленным порядком с соответствующими должностными лицами воинской части. Складывается твердое убеждение, что медицинская служба действует фактически независимо и автономно в сугубо ограниченном дискурсивном простран-

стве. Таким образом, в воинской части очевидны затруднения при реализации процедуры идентификации опасностей: все командиры (начальники) и иные должностные лица занимаются этим важным во всех отношениях делом, но в части их касающейся: документарный и визуальный контроль БВС не предполагают учет результатов МК, ГСЭН за условиями жизнедеятельности военнослужащих, которые содержат, кроме того, и результаты инструментально-лабораторного контроля.

Несмотря на очевидность текущей ситуации с БВС, до сих пор на всех уровнях организационной структуры воинской части нет ясности касательно перечня профессиональных рисков генерируемых идентифицированными опасностями. Логично предположить, что ответы на эти непростые вопросы можно найти у представителей медицинской службы. Но обольщаться не стоит: область изучения и оценки настолько специфична, что без дополнительной специальной подготовки военных врачей (и не только их), органам военного управления не обойтись. Полагаем, что наиболее оптимальным вариантом решения этой проблемы было бы разработать законодательство на федеральном уровне (Минобороны России) «Единый перечень профессиональных рисков, создаваемых опасностями военной службы в ВС РФ». Взяв за основу этот документ, можно разрабатывать такие перечни применительно к каждой воинской части, каждому рабочему месту военнослужащих и пр. Это позволяет в значительной мере упростить процесс управления рисками повреждения здоровья. Тем не менее на сегодняшний день, результаты деятельности медицинской службы по контролю за состоянием здоровья военнослужащих остаются невостребованными: органы военного управления интересуются, как уже ранее говорилось, только законченные случаи увечий военнослужащих с трудовыми потерями и их гибель. Иные критерии повреждения здоровья также невостребованы, например, донозологическая гигиеническая диагностика.

Рекомендации по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков утверждаются также федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, по

согласованию со всеми заинтересованными сторонами [1, ст. 218]. Тем не менее, достичь единства взглядов по этому вопросу пока не удастся. Например, «Типовое положение о СУОТ» позволяет работодателю самостоятельно определять «методы оценки уровня профессиональных рисков», более того, допускается использование разных методов оценки уровня профессиональных рисков для разных процессов и операций [16, ст. 37]. В настоящее время существует множество методик, позволяющих оценить уровень риска исходя из специфики предприятия. Каждый из них по-своему уникален, но, что примечательно, не универсален. Дело в том, что профессиональный риск — явление уникальное, легко трансформирующееся в свои производные формы, оценивать которые надлежит по-разному.

В целом в настоящее время применяется больше 70 методов оценки рисков, в нашей стране — порядка 30 [18, 19]. Пока только преимущественно на крупных предприятиях нашей страны, все более активно применяют относительно новый метод управления профессиональными рисками — цифровизацию. Цель — полная автоматизация этой процедуры. На выходе: минимизация участия персонала в процессе управления и, соответственно, исключение ошибок по вине человека. Цифровая трансформация позволяет придать системе управления профессиональными рисками повреждения здоровья максимально открытый (прозрачный) характер. Существенным образом меняется система информационного обмена внутри предприятия: он становится максимально адресным, с полным охватом всех заинтересованных лиц. Снижается излишний документооборот и пр. По состоянию на сегодняшний день существует изрядное множество программных продуктов, позволяющих автоматизировать все процессы управления безопасностью и гигиеной труда на предприятии [20, 21]. Работодателю же необходимо выбрать и внедрить те инструменты, которые максимально учитывают специфику предприятия (опасности, риски) и позволяют максимально повысить результативность СУОТ. К сожалению, в подавляющем большинстве воинских частей ВС РФ, состояние дел с разработкой, внедрением и поддержанием в рабочем состоянии системы обеспечения БВС, успешными назвать затруднительно.

Можно не сомневаться: немало трудностей сопряжено с понятием «уровень профессионального риска». В доступной нам литературе найти определение этого понятия мы не смогли, равно как и методов его оценки. Не стал исключением и ГОСТ Р 12.0.010–2009 [10], в котором содержится описание «методов оценки рисков» (прямые методы, косвенные методы), но никак не «уровней» рисков.

Заключение

Безусловно, такие понятия как «опасность», «профессиональный риск», «управление профессиональными рисками» сейчас очень актуальные, звучат весьма убедительно и заставляют думать, что орган военного управления воинской части (учреждения) имеет серьезные намерения в области обеспечения БВС. Однако, по нашему мнению, в настоящее время в ВС РФ еще не созрели необходимые и достаточные условия для реализации этой процедуры.

По всей видимости, прошло недостаточное количество времени для формирования соответствующей культуры управления, культуры безопасности военного труда: одно из главных условий результативного управления — активное и осмысленное вовлечение в этот процесс всего личного состава воинской части (и военнослужащих, и лиц гражданского персонала), причем заинтересованного в конечном результате. А до этого пожалуй еще далеко. Полагаем, что в этом деле нельзя спешить или форсировать события: работу по формированию иной культуры управления нужно строить в логической последовательности, от простого к сложному, от маленького к большому.

Для начала желательно, с целью понимания единства процесса, привести весь понятийный аппарат к единому знаменателю: все должны четко знать, что и как они делают. Следующее: нужно обязательно предоставить право выбора органам военного управления воинской части (организации) — ограничиться идентификацией опасностей или идти дальше и сконцентрироваться на оценке рисков. Как всем уже хорошо известно, командно-административный метод управления первоначально создавая видимость быстрого успеха в конечном счете приведет решение этой проблемы в тупик. Поло-

жительный результат, несомненно, будет, но не сейчас, в свое время. Главное, понять для чего мы все это делаем — ради сохранения здоровья здорового военнослужащего.

Список источников

1. Трудовой кодекс РФ: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 дек. 2001 г.: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. // Рос. Газ. — 2001. — 28 декабря.
2. Таранушина И.И., Попова О.В., Бганцев А.Н. О проблеме культуры безопасности труда на предприятиях // Вестник аграрной науки Дона. 2020. № 1 (49). С. 66–72.
3. Цуциев С.А. Медицинские организации в аспекте формирования новой культуры безопасности и охраны труда // Охрана труда и социальное страхование. 2021. № 6. С. 33–40.
4. Vierendeels G., Reniers G., Van Nunen K., Ponnet K. An integrative conceptual framework for safety culture: The Egg Aggregated Model (TEAM) of safety culture // Safety Science. 2018. Vol. 103. Pp. 323–339.
5. Тимофеев М.И. Культура труда и перспективы экономического возрождения в РФ // Вестник Национального Института Бизнеса. 2023. № 1 (49). С. 211–218.
6. Le Coze J.C. How safety culture can make us think // Safety Science. 2019. Vol. 118. Pp. 221–229.
7. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ».
8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.12.2020 г. № 928н «Об утверждении правил по охране труда в медицинских организациях».
9. ГОСТ 12.0.230–2007. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Общие требования. (введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 10.07.2007 № 169-ст). 29 с.
10. ГОСТ Р 12.0.010–2009. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Определение опасностей и оценка рисков. (введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулиро-
- ванию и метрологии от 10.12.2009 г. № 680-ст.). 18 с.
11. OHSAS 18001:2007. Системы менеджмента гигиены и безопасности труда — Требования.
12. Шеин А.В. Использование процедуры управления профессиональными рисками в системе управления охраной труда // Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур: сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 27–28 февраля 2023 г.). Пенза: Изд-во ПГАУ, 2023. С. 637–639.
13. Макаров П.В. Риск-ориентированное управление безопасностью в строительной организации // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2020. Т. 9, № 1 (49). С. 173–178.
14. Савичева Ю.Н., Митрофанова Н.С., Габдрахманова Р.Р. Применение риск-ориентированного подхода к обеспечению работников средствами индивидуальной защиты // Нефтегазовое дело. 2022. № 5. С. 67–83.
15. Цуциев С.А. Особые условия военной службы как основание для реализации социальных гарантий военнослужащим // Военное право. 2022. № 2. С. 159–168.
16. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19.08.2016 г. № 438н. Типовое положение о системе управления охраной труда.
17. Руководство по медицинскому обеспечению войск. М.: МО РФ, 2018 г. 42 с.
18. Цховребова И.Ч., Тибилова И.В. Методы и средства оценки профессиональных рисков // Процветание науки. 2021. № 1 (1). С. 48–57.
19. Солодовников А.В., Набиева Ю.Р. Оценка профессиональных рисков на предприятии нефтегазового комплекса // Нацбезопасность. 2022. № 2 (4). С. 16–20.
20. Beese Nils Ove, Rodriguez Francisca S., Spilski Jan, Lachmann Thomas. Development of a Digital Video-Based Occupational Risk Assessment Method. 2021.
21. Зонина Н.О., Сердюк В.С., Фомин А.И. Разработка цифрового инструмента для автоматизации процессов оценки профессиональных рисков с учетом влияния человеческого фактора // Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2022. № 2. С. 45–59.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation: feder. The law grew. Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001: adopted by the State Duma of the Russian Federation. The collection grew. Federation on December 21, 2001: approval. The Federation Council Feder. The collection grew. Of the Russian Federation on December 26, 2001. // Ros. Gaz. – 2001. – 28 dec.
2. Taranushina I.I., Popova O.V., Bgantsev A.N. On the issue of labor safety culture at enterprises // Vestnik agrarnoi nauki Dona. 2020. No 1 (49). Pp. 66–72.
3. Tsutsiev S.A. Health facilities in terms of the formation of a new safety and labor protection culture // Okhrana truda i sotsial'noe strakhovanie. 2021. No 6. Pp. 33–40.
4. Vierendeels G., Reniers G., Van Nunen K., Ponnet K. An integrative conceptual framework for safety culture: The Egg Aggregated Model (TEAM) of safety culture // Safety Science. 2018. Vol. 103. Pp. 323–339.
5. Timofeev M.I. Labor culture and prospects of economic revival in the Russian Federation // Bulletin of the National Institute of Business. 2023. No 1 (49). Pp. 211–218.
6. Le Coze J.C. How safety culture can make us think // Safety Science. 2019. Vol. 118. Pp. 221–229.
7. RF Presidential Edict № 1495 of 10 November 2007 «On approval of the Russian Armed Forces' Basic Military regulations».
8. Order № 928n of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 12/18/2020 «On Approval of Labor Protection Regulations in medical organizations».
9. GOST 12.0.230–2007. Occupational Safety Standards System. Occupational health and safety management systems. General requirements. (by the Order of Rostekhnregulirovanie dated 07/10/2007 № 169-st). 29 p.
10. GOST R 12.0.010–2009. Occupational Safety Standards System. Occupational health and safety management systems. Hazard identification and risk assessment (by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 10.12.2009 No. 680-st.). 18 p.
11. OHSAS 18001:2007. Occupational Health and Safety Management Systems — Requirements.
12. Shein A.V. The occupational risk control procedure application in a safety management system. In: Sbornik statei II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Okhrana truda i tekhnosfernaya bezopasnost' na ob'ekтах promyshlennosti, transporta i sotsial'nykh infrastruktur. Penza: 2023. Pp. 637–639.
13. Makarov P.V. Risk-oriented safety management in a construction organization // XXI century: results of the past and problems of the present plus. 2020. Vol. 9. No 1, (49). Pp. 173–178.
14. Savicheva Yu.N., Mitrofanova N.S., Gabdrakhmanova R.R. Risk-Oriented Approach to Providing Employees with Personal Protective Equipment. Setevoe izdanie «Neftegazovoe delo». 2022. No 5. Pp. 67–83.
15. Tsutsiev S.A. Specific military service conditions as a predicate for the military personnel social guarantees' implementation // Voennoe pravo. 2022. No 2 (72). Pp. 159–168.
16. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 438n dated 08/19/2016. The standard provision on Occupational health and safety management systems.
17. Manual on medical support for troops, 2018.
18. Tskhovrebova I.Ch., Tibilova I.V. Methods and tools for occupational risk assessment // Prot-svetanie nauki. 2021, No 1 (1). Pp. 48–57.
19. Solodovnikov A.V., Nabieva Yu.R. Occupational risk assessment at the oil and gas complex enterprise // Natsbezopasnost'. 2022. No 2(4). Pp. 16–20.
20. Beese Nils Ove, Rodriguez Francisca S., Spilski Jan, Lachmann Thomas. Development of a Digital Video-Based Occupational Risk Assessment Method. 2021.
21. Zonova N.O., Serdyuk V.S., Fomin A.I. Development of a digital tool for automation of professional risk assessment processes taking into account the influence of the human factor // Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugol'noi promyshlennosti. 2022. No 2. Pp. 45–59.